

УДК 81'25

ОБ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ДИАЛЕКТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СМЕРТИ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614096, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье описаны диалектные образные представления о смерти и связанных с ней явлениях, определены способы создания их эвфемических и дисфемических номинаций. Рассмотрены функционально-семантические качества и экспрессивность лексем и фразеологизмов, приобретающих семантику моральности; показана зависимость экспрессивных оценок понятий типа «умереть», «хоронить» от характера образности и происхождения обозначений; выявлены особенности народных представлений о смерти, нашедшие отражение в диалектной речи; описано применение образных номинаций смерти и связанных с нею реалий и явлений как средств психологической защиты и культурной табуизации; раскрыты представленные в образной лексике и фразеологии различные модели отношения к смерти, двойственность ее восприятия народным сознанием.

Ключевые слова: народная лексика и фразеология; особенности народного восприятия смерти; способы эвфемической номинации; экспрессивная шкала диалектной лексики и фразеологии.

Смерть относится к событиям, вызывающим сильнейшее эмоциональное переживание человека. Культурный и эмоционально-чувственный опыт восприятия феномена смерти, накопленный человечеством за историю своего существования, сконцентрирован в образных экспрессивно-оценочных формах языка. Экспрессивность лексики и фразеологии, которая напрямую отражает силу проявления чувств и переживаний, стилистические качества языковых средств, передающих восприятие и осмысление смерти, отличаются своеобразием, особенно ярко проявляющимся в диалектной культуре.

Смерть касается сфер, прямого упоминания которых люди стараются избегать, сохраняя при этом позитивные или негативные оценки этого явления, воспринимаемого либо как неестественное и пугающее событие, либо как «переход» к более высокому (нематериальному) уровню существования. Принято считать, что в высокой лексике и фразеологии отражено торжественно-приподнятое отношение к смерти, а в разговорном и грубо-просторечном языке – резко негативная неэстетичная оценка смерти [Лисицына 1995]; в целом же языковые характеристики смерти тяготеют к пейоративности, что объясняется страхом человека перед этим событием [Деева 2016: 127].

Специфика экспрессивного качества эмоционально воспринимаемых понятий во многом определяется их образными основаниями: образность считается компонентом коннотации, а «коннотация – это взаимосвязь эмоционального, оценочного, экспрессивного и образного компонентов» [Мироненко 2015: 116]. В исследуемой сфере наименование кладбища *долгое поле* (*Сын опоздал на похороны, приехал, а старика-то уж на долго поле увезли.* – Б. Букор, Чайковский район) используется как возвышенная перифраза. Она строится на представлении о месте упокоения человека как об обрабатываемой под посев земле и имплицитно воспроизводит древнюю аналогию «умерший» – «зерно» [Фрейденберг 1997: 86], известную разным культурам, в том числе христианской. Соотношение погребения усопшего и бросания зерна на пашню имеет несколько проявлений: зерно как знак начала новой жизни разбрасывается за гробом, могилу умершего на поминках посыпают зерном. Неслучаен, как кажется, в этой связи параллелизм сеяния и смерти в образном строе прикамской пословицы *Умирать ладься, а хлебушко сей* о том, что близость смерти не должна мешать выполнению прижизненных обязанностей. Определение в составе выражения *долгое поле* используется не в основном значении «имеющий большую длину», а указывает на бесконечность загробной жизни

(расширение ее до беспредельных просторов), лишает характеристику кладбища физической конкретности, топонимической привязки.

Другое название кладбища *веселое место* (Мусонкино, Карагайский район) содержит идеализацию места упокоения человека (по М. Фасмеру, прилагательное связано с др.-инд. *Vásu* 'хороший' [Фасмер 2003: 303], ср. более распространенное диалектное значение сочетания 'хорошая, красивая местность': *На веселом месте живем: поля на блюде, лес рядышком.* – Сорвино, Соликамский район). В выражении содержится приписывание красоты понятию, близкому смерти, что типично для народной культуры и фиксируется в загадках о смерти (*Красная девица, и всяк ее боится: и царь, и царица*), отмечается в текстах былин (напр., в архангельской былине об Анике воине: *Ох ты смерть, коли смерть прекрасная есь...* [Архангельские былины... 1904: 36]), в похоронных причитаниях (*Смерть идет... по крылечу ли она да молодой женой, по новым ли сеням да красной девушкой* [Соболев 1913: 36]). Образ «прекрасной смерти», который романтизирует понятие, несомненно, мотивирован представлением о красоте и совершенстве неба и Бога.

«Высокие» характеристики смерти часто связаны с обращением к стихийным силам, образам природы, над которыми не властно время. Выражение *под зеленую сосну уехать* 'умереть' (*Два года как его уж нету, под зеленую сосну уехал, схоронили* – Терёхино, Карагайский район) строится на использовании образа вечнозеленого дерева, отмеченного особой сакральностью (сосна – основное дерево не только для высаживания на могиле, но и для изготовления надгробного креста). Выражение *свою реку брести* 'жить своей судьбой' (*Я свою реку брела, счас старая уж стала. Мнуки уж есть, прамнуки.* – Бедряж, Чернушинский район) представляет жизнь как поток, жизненный путь как переправу через реку (о чем и другие акватические образы жизни и судьбы – *жизнь течет, исток жизни, плыть по течению*). Близок к нему фразеологизм *уйти с вешней водой* 'умереть во время таяния, ухода льда', который отражает представление о смерти как о растворении человека в природе (отголосок своеобразного народного пантеизма). Сходную семантику имеет и выражение *со снегом растаять* (*скатиться*) – пример вполне художественного сближения смерти человека и наступления весны: *А Санко худой, беркулёзной он, со снегом, нать-то, растаёт, воду уж худо пьет, не встанёт он уж* (Губдор, Красновишерский район); *Со*

снегом-то она скатится, умрет, наверно, вовсе худая (Ключи, Суксунский район). Фразеологическая выделенность этого периода времени связана с тем, что весна по народным представлениям считается лучшим временем для умирания (возрождение природы весной «согласуется» с идеей посмертного возрождения человека к лучшей жизни, перехода в иную реальность). Приведенные примеры связаны не только с поэтизацией смерти; смерть в них представляется как воля высших сил и закон природы.

Возвышенность свойственна диалектным словам и выражениям, восходящим к древним текстам. Таково название смерти *тихая лета* (*Не боюсь умирать. Глаза закрыл, как уснул, смерть тихая лета.* – Сёйва, Гайнский район; *Тихая лета придет, тут уж никто не отвертится.* – Юм, Юрлинский район), основанное на заимствовании древнегреческого названия реки мертвых. Заметим, что мифологизмы античного происхождения редко, но фиксируются в диалектной речи (напр., выражение *Еркulesы да Лукавоны выдумывать* 'болтать, говорить пустое' – Асово, Березовский район; мифические *Геркулес* и прорицатель *Лаокоон* упоминаются здесь как характеристика выдумки, небылицы). Примечательно, что река забвения Лета, которая является неотъемлемой частью царства смерти, и в художественных текстах представлена тихой, т. е. не быстрой (*медленная*, как в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»). Из оборота книжного происхождения *испить смертную чашу* в говорах самостоятельно используется *смертная чаша* – так называется ритуальное питье, которое подают умирающему (нередко носители традиции указывают, что саму чашу нельзя увидеть, потому что питьем угощают высшие силы: *Говорят, человек морщится, когда умирает. Это чашу смертную подают, она горькая.* – Андронов, Чернушинский район). Образ, отмеченный в древнерусской литературе (напр., в «Повести о разорении Рязани Батыем» о мертвых князьях, испивших общую «смертную чашу»), имеет библейское происхождение (*выпить чашу до дна* – Ветхий Завет, Книга пророка Исаи); в народной среде он получает материальное воплощение как обрядовая акция в момент умирания человека. Еще один пример применения книжного фразеологизма в диалектной речи – слова *земля в землю*, которыми сопровождают погребение (*На што ново-то надевать – все равно уж земля в землю.* – Диково, Карагайский район). Слова являются упрощенной сентенцией о бренности человеческой жизни *Земля к земле, пепел к пеплу,*

прах к праху (произнося ее, священник трижды бросает комья земли на гроб, что напоминает о создании человека из праха земного и о превращении его в землю).

Смягчающие эвфемические обозначения предмета, свойства или действия соотносимы с архаическими интерпретациями смерти. Глагол *спрятать* 'похоронить' (*Беда бойко спрятали старуху, была и нет.* – Карагай) фиксирует необходимость сохранения связи с умершими предками благодаря семантике глагола *прятать* 'класть в сохранное место, убирать, укладывать куда-то для целостности, хранения'. Глагол *укочевать* 'умереть' (*Болеет он, болеет. Ну, и укочевал от меня.* – Б. Долды, Чердынский район) связан с диалектным *кочевать* 'пожив некоторое время, переезжать в другое место' (Берёзовка, Усольский район), который образован от тюркск. *köç* 'поездка, путешествие, переселение'. Указание на многократное передвижение людей в поисках более благоприятных районов представляет жизнь временным пребыванием где-либо, а смерть характеризует не просто как пространственное перемещение, а как переселение в лучшее место. Глагол *спускаться* 'умирать' (*У меня ребенок стал спускаться, так мы его еле выходили.* – Берёзовка, Усольский район) связывает смерть с движением вниз (как в выражениях *уйти в могилу, в яму, к низу*), указывая при этом не на физическое перемещение, а на метафизический переход в мир мертвых. Глагол *повалить* 'похоронить' объясняет смерть падением. Несмотря на смысловую связь с бросанием ненужного, он лишен негативного смысла. Представленная в его значении сема интенсивности выступает не как количественная мера оценки действия, а как средство усиления эмоционального воздействия на слушателя, имеет выделительный смысл. Показательны в этом плане контексты, в которых подчеркнута соответствие указанного действия традиции: *Умрет – дак повалишь баушку возле мамы.* – Толстик, Соликамский район; *Недавно старуху повалили в кокошнике; венчали раньше ее в нем, а сейчас в гроб повалили.* – Дуброва, Соликамский район. Приведенные эвфемизмы отмечены положительной коннотацией, призваны замаскировать названия понятий, вызывающих ощущение страха. Смерть в них мыслится торжественно-возвышенной, сакральной, оценивается мировоззренчески и воспринимается как необходимость.

Многие характеристики номинаций смерти и связанных с нею реалий и явлений получают шутовую окраску, при этом шуткой говорящий

пытается отвлечь внимание от смерти, напомнить о жизни. Выражение *ждать жениха Куштанника* 'быть крайне старым (о женщине)' содержит соотнесение смерти с браком, осложненное включением персонификации инструмента погребения (*куштан* – диалектное 'мотыга', считается тюркским заимствованием). Обозначение смерти женщины *Ванька Ёлкин посватался* (*Ее давно уж праху нет, сколь годов уж как Ванька Ёлкин посватался.* – Бондюг, Чердынский район) также содержит персонификацию смерти в мужском облике, соединенную с аналогией смерти с браком. Фамилия *Ёлкин* при этом мотивирована использованием ели как надгробного дерева, а имя *Ванька* (ср. другие диалектные номинации смерти типа *Иван Гробович, Иван Могильников, Иван Соснович*), одно из наиболее распространенных мужских имен, используемое в грубовато-уменьшительной форме, подчеркивает простоту и естественность смерти в народном восприятии. Мотив брака со смертью (встречается, как и мотив посмертного венчания вдовы или вдовца, во многих культурах) обусловлен близостью смерти и свадьбы как ключевых событий человеческой жизни, которые в народном сознании связаны с переходом в другое состояние.

Шутливую окраску имеют названия кладбища *голубой городок* (*Пора уж нам старым в голубой городок.* – Никулино, Добрянский район), *зелёный городок* (*Вон у нас зелёный городочек, все там вместе лежат.* – Они, Юсьвинский район). Распространенное соотнесение кладбища с населенным пунктом здесь дополнено указанием на голубой цвет как цвет неба и вечности и зеленый как цвет природы и спокойствия. Более очевиден шуточный смысл названия *Звёздный городок* (*Скоренько в Звездный городок увезут, был да нет.* – Уинское), где исходная мотивировка (звезды на памятниках, которые устанавливали вместо крестов) осложнена каламбурным соотнесением с названием Центра подготовки космонавтов. Сугубо комические ассоциации содержат официально-деловые выражения о смерти *отправиться в командировку* (*Сват-то у нас еще в прошлом году в командировку отправился. Год уж как будет.* – Берёзовка, Усольский район), *сложить полномочия* (*Все дорогие мои, сердце не выдержало, сложила хозяйка полномочия.* – Пожва, Юсьвинский район). Представляя жизнь как выполнение служебных обязанностей, а смерть как отказ от них, речевая шуточка психологически разряжает обстановку.

Кроме эвфемизмов для номинации смерти и связанных с ней явлений используются в диалекте и дисфемизмы, суть которых – обозначение понятия в резкой и грубой (в том числе и непристойной) форме. Если эвфемизмы смягчают и зашифровывают явление, то «дисфемизмы “ухудшают”, “огрубляют” любой денотат независимо от реальных его качеств» [Бушуева 2005: 3].

Стилистически сниженными формами являются разнообразные диалектные звуко-символические экспрессивы, в которых смерть предстает в реальном физическом воплощении. В основном с их помощью имитируется акустический облик падения, удара: *хронуться* (В этот год два мужика хроннулись – еще две вдовушки в деревне. – Усолье), *зашибиться* ‘убиться’ (Убили его, али зашибся. Пастухи его нашли в лесу. – Шульгино, Берёзовский район), *уторкать*, *приторкать* ‘убить’ (Сколько наших парней в Чечне то приторкали. – М. Соснова, Большесосновский район). «Ударную» основу имеет и слово *чеколдыхнуться* (Не чеколдыхнись от своей работы. – Чернушка). Последний глагол отмечен и в жаргонах (*чеколдыхнуть* в значениях ‘ударить, выпить спиртное’; *колдыхнуть* ‘ударить’ [СРНГ 1978: 120]).

Более грубые характеристики смерти основываются на использовании зоонимов (*копыта отдавать*: Мужики нонче сидят пьют, пока свои копыта не отдадут. – Троицк, Кунгурский район; *протянуть ножки вверх копытами*: «Как бы ножки вверх копытами не протянуть с этого спирту. – Пож, Юрлинский район; *шкура на огород*: Поживешь, поживешь, и шкура на огород, закопают. – Юм, Юрлинский район). Соотнесение смерти человека со смертью животного выражает самоуничтожение, с помощью чего также маскируется страх смерти. Аналогичны отмеченным выражения с соматизмами *гроб за жопой волочится* ‘о предельно старом’ (Микола Волк шибко уж старой, гроб за жопой волочится, а поли, в лес ишо ходит. – Березовка, Суксунский район), *ноги содрать* ‘умереть’ (Нахапали, а все равно ноги сдерут, в могилу не возьмут. – Пянтег, Чердынский район; в выражении использован диалектный глагол *содрать* ‘задрать вверх’ с семантикой пейоративности – оценкой того, кто не вызывает уважения). Заложённая в грубых высказываниях негативная экспрессия в ситуации стресса и напряжения позволяет смягчить страшную информацию.

Сильные эмоции часто маскируются или подавляются. Одна часть диалектных выражений с представлениями о конце человеческой жизни отражает уважение к смерти, оценивает ее как высокое понятие. Другая часть направлена на

осмеяние смерти, на отстранение от нее как от пугающего события с помощью смеха. Смех используется в защитной функции; активизируется его архаичное понимание как очистительной силы. В описанных номинациях отражена такая особенность народного отношения к смерти, как двойственность: готовность к смерти и одновременно страх перед ней. Различные модели отношения к смерти обеспечивают психологическое равновесие ее восприятия, определяют сюжеты образных и символических форм ее выражения.

Примечание

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ №18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья».

Список литературы

Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899 –1901 гг. М., 1904. Т. I. 708 с.

Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.

Деева Н.В. Метафорическая репрезентация концептов «СМЕРТЬ» и «ŚMIERĆ» в русской и польской лингвокультурах // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 4(53). С. 121–127.

Лисицына Т.А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск / отв. ред. А.В. Демичев, М.С. Уваров. СПб., 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropologia.spbu.ru> (дата обращения: 03.11.2018).

Мироненко О.В. Становление и развитие коннотации как лингвистического феномена // Содружество наук. Барановичи – 2015: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей / Баранович. гос. ун-т. Барановичи, 2015. Ч. 3. С. 116–118.

Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям: литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания. Сергиев Посад: М.С. Елов, 1913. 212 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1978. Вып. 14. 376 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2003. Т. I. 588 с.

Фрейденоберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.

ON EXPRESSIVE-STYLISTIC QUALITIES
OF THE DIALECTAL CHARACTERISTICS OF DEATH

Ivan A. Podyukov

Professor, General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The paper deals with dialectal figural images of death and allied notions; some ways of creating their euphemic and dysphemic nominations are defined. Functional-semantic qualities and expressiveness of lexical items and idioms assuming the semantics of mortality are discussed; the dependence of expressive characteristics of the notions 'to die', 'to bury' on the character of expressiveness and origin of the notions is demonstrated. The peculiarities of folk perception of death reflected in the dialectal speech are elicited in the paper; the usage of figural nominations of death and connected to it phenomena as a means of psychological safeguard and cultural tabooing is discussed. Various models of attitude to death and its duality in folk consciousness represented in figural vocabulary and phraseology are revealed.

Keywords: folk vocabulary and phraseology; peculiarities of folk perception of death; means of euphemic nomination; expressive scale of dialectal vocabulary and phraseology.